

Эдуард Анашкин

«НА РАСПАХНУТОМ НАСТЕЖЬ ПРОСТОРЕ...»

(Поэтический мир Дианы Кан)

В феврале 2022 года наша жизнь изменилась. И все мы понимаем, что прежней она больше не будет. Но мое эссе не о политике, хотя, как и многие, я с удивлением наблюдаю, как «расчехлились» многие известные личности, за последние десятилетия ставшие вовсе не по таланту медийными. Казалось бы, все эти люди, сладко и сытно кормившиеся с руки власти, должны были бы власть поддержать и в ее внешнеполитических решениях. Но не тут-то было!

Ответы на многие вопросы, если откинуть политику, сегодня, думается, надо искать не в пропаганде. Эти ответы всегда были и остаются в литературе. Стоит отойти от сиюминутной актуальности, и предстанет картина совсем другая. В очередной раз послано России испытание, Бог словно пытается дать нам шанс просветлиться умом и вернуться к самим себе оттуда, где мы напрасно блуждали последние несколько десятилетий, проживая победы и материальные достатки, завещанные нам отцами и дедами, победителями и созидателями.

Сегодня особенно внимательно надо читать стихи русских поэтов, ведь именно поэты призваны силой своего данного свыше таланта говорить о глубинном, а не о поверхностном. Замечательная современная российская поэтесса Диана Кан стремится дальнорочно провидеть будущее, пытаюсь по-есенински понять, «куда несет нас рок событий»:

*Мы пока с тобой помолчим об этом... / После битвы-молитвы поделимся в
стори, / Как икс-игрек вдруг обернулись Зетом / И красуются рядом — да-
да! — на заборе. / Без икс-игрека сложно войну осилить. / Не считай икс-игрек
презренным матом: / В сорок первом с ним в атаку ходили / Наши деды, выр-
вав чеку гранаты. / Если ты родился на свет поэтом, / Да не просто по-
этом — поэтом русским, / Ты поймешь, что мы зачеркнули Зетом / Европей-
ские пошлые перезагрузки. / Если ты родился на свет человеком, / А не суетно
либеральным фигляром, / Поневоле становишься вещим Олегом, / Чтоб от-
мстить неразумным новым хазарам. / И пусть песня Победы еще не спета, /
И еще Христос попускает Иуде... / Мы с тобою поэты эпохи Зета — / Несмот-
ря ни на что — счастливые люди!*

Диана Кан

Так в поэзии проявляется то подспудное, которое и есть истина, поправная похабным отношением к ней мутной современности. А эта истина в том, что мы, потомки победителей, почему-то позволили себе забыть о почетном и ко многому обязывающем родстве. Словно блудные сыновья уже почти сорок лет блуждаем в поисках того, что осталось на крыльце брошенного родного дома, ищем то, что искать не надо, потому что дано нам уже по праву рождения.

Целует питерский поребрик / Вольнолюбивый ветерок, / Весь неприкаян, словно Неприк, / Из коего в столицы сбег. / Тая к ветрам столичным зависть / (Чтоб не смотрели свысока!) / Он, в доску стать своим стараясь, / Скрывает

запах полынка. / Скрывает запах мяты дикой / Для сохранения лица, / Ромашки, каши, повилики, / Татарника и чабреца. / Дыша духами Незнакомки, / Его столичные дружки / Всю благоухают Блоком / Простонародью вопреки. / А с ним здороваются сухо / И он взволнован — что не так? — / Пропахший терпким русским духом / Почти есенинский земляк... / Ах, волжский непоседа-ветер, / Ты так столичности искал, / Что, сам того и не заметил — / Себя в столицах растерял. / Ты льнешь к столичным модным стервам, / Ища в них брошенных невест. / Ты шаурму зовешь шавермой, / Парадным ты зовешь подъезд. / Ты кацавейку обзываешь / Словечком питерским — бадлон. / И понемногу обживаешь / Свинцово-серый небосклон. / ...Но иногда в часы заката / Среди столичной суеты / Тебя настигнет запах мяты, / Как запах преданной мечты.

Разве это стихотворение Дианы Кан только о волжском ветре, что, захотев идти в ногу с сомнительной современностью, в итоге угас, растерял себя? Конечно же, в ветре увидеть только ветер может лишь скользящий по поверхности стихотворения читатель. Более пронизательный читатель понимает, что практически все явления природы в стихах Дианы Кан живые, человекоподобны. И уже тем самым противостоят наглому современному расчеловечиванию нас! Все мы не раз наблюдали, что вот уедет провинциал в столицы, отряхнув землю предков со своих ног, и всячески старается вписаться в столичную реальность, стать столичным человеком. При этом он почему-то уверен, что стать таковым можно лишь в одном случае — забыть о своих корнях, как о чем-то презренном. Так же дерево, утратившее корни, уверено, что вырастет большим...

Выдающийся поэт Анатолий Передреев об этом сказал горько: «И города из нас не получилось, / И навсегда потеряно село...» То есть пронизательный читатель увидит в стихотворении о неприкаянном ветре из самарского захолустного поселка Неприк своего современника-россиянина, брезгующего исконными корнями. Но в наше непростое время, думаю, этот пронизательный читатель вырастет до понимания геополитического смысла этого стихотворения, которое якобы о ветре. Прочтет о трагедии русского исконного и неповторимого мира, когда русский человек решил в очередной раз стать европейцем, забыв свое русское, корневое. И что же мы имеем на сегодня? И Европы из нас не получилось, и утрачена Россия — хочется верить, что все-таки не навсегда.

Что случилось с нашими славянскими братьями, так восхитившими стать частью Европы, пусть даже и на задворках Европы, мы сегодня видим, едва сдерживая слезы негодования и сочувствия. Через год спецоперации мы видим, что «российский ветер» начинает осознавать с болью, что растерял себя за последние несколько постсоветских десятилетий. Наступил горький момент истины! Сегодня стихотворение Дианы Кан о неприкаянном Неприке вдруг вырастает из пределов России, становясь горьким символом отрыва от самих себя. У каждого из нас, русских людей — свой Неприк, нами оставленный. И Россия, если посмотреть шире, ни что иное, как этот самый «неприкаянный Неприк», что заблудился между европой и востоком, ища то, что никогда и не было потеряно.

Он вел их молча по былинным, / По диким муромским лесам — / Иуд, что верили наивно / В то, что и он иуда сам. / Вел, обходя в пути святыни, / Не тратя понапрасну слов, / Духовно-ядерной твердыни, / Что называется Саров. / Он вел их, Китеж огибая / И светлый болдинский приют... / Знать, на Руси судьба такая, / Что первыми героев бьют. / В пути не раз им повстречался / Шальной разбойник-соловей. / Вослед ведомым так смеялся, / Что листья сыпались с ветвей. / Вел, обходя Урал и Волгу, / Хоть их никак не обогнуть... / Во времена-пространствах долгий — / Единственно возможный путь! / И мысль одна терзала сердце, / Ведомым вовсе не в укор — / Как миновать в пути Освенцим / И Саласпилс, и Собибор?.. / ...А дальше, братья-ляхи, сами. / Эх, ни покрышки вам, ни дна... / «Кажись, пришли! — вздохнул Сусанин — / Варшава-матушка видна!..»

Стихи Дианы Кан о России очень часто оказываются пророческими, написанными не на сиюминутность, но как бы на вырост, на перспективу. Мы с вами сегодня живем в условиях очередного нашествия коллективных европейских «ляхов». И как сотни лет назад, Россия старается вернуть свои исторические территории, но при этом, по возможности, не причиняя этим самым ляхам особенного вреда. Пытаясь вернуть Донбасс в родную российскую гавань... Что это, если не чудачество — воевать, жалея противника?

О чудачествах русского человека немало сказал Шукшин. Разве не чудачество отринуть победительное наследие, променяв индустриальную державу на бензokolонку и пресловутый рынок, лишь потому, что западные «цивилизованные» благодетели явились к нам не с юнкерсами, а со сникерсами?

Мы все — немного чудики. / А ты у нас — один! / Нам истину на блюдечке / Преподнеси, Шукшин! / Она, по-русски емкая, / Необходима нам. / И с голубой каемкою, / Конечно, по краям. / Ее ты в муках выстрадал, / Когда ночей не спал. / Но неподкупной истины / Язвительен оскал. / В порыве откровения / Ты нам ее изрек / В угрюмом окаймлении / Сибирских вольных рек. / ...Пока молчим растерянно, / Над ней глумится враг... / Подарена... Потеряна!.. / А без нее — никак!

Но однажды глумлению наступает конец, потому что наступает предел русскому долготерпению и усталость от навязанных чужеземных лекал. Мы сегодня с напряженным вниманием наблюдаем ситуацию на Украине. И порой недооцениваем того, что похожая «украина» может нам грозить и с территории других, некогда братских, республик СССР. К примеру, с юга, где находится некогда братский Казахстан, которому добрые советские чиновники, как и когда-то Украине, подарили множество исконно русских казачьих земель. Пропаганда наша всегда бьет по хвостам, спохватывается, когда пожар уже горит и пора орать: «Караул!»

А вот поэты смотрят на перспективу. Видимо, очень неслучайно в творчестве Дианы Кан стихотворение об Оренбурге (одно из многих ее стихов о родине предков по материнской ветви). Оно для всех тех, кто сегодня заговаривает о том, что российский город Оренбург был когда-то столицей киргиз-кайсаков, предков нынешних казахов. Для таких «инициативных» Диана Кан, видимо, и написала несколько лет назад стихотворение о российском городе-форпосте, городе отважных уральских казаков. Они веками защищали оренбургскую землю на форпостах и, погибая за нее, ложились на погосты. Очень бы не хотелось, чтобы этот город, врата России на восток, стал заложником антирусских ветров, дующих не столько с Казахстана, сколько из-за океана...

На распаханном настезь просторе / Город мой, белокаменный князь, / Азиатским ветрам непокорен, / Что приходят, до неба клубясь. / Он расскажет немало историй, / Обойдется при этом без слов... / Орен, Орен, ветрам непокорен, / Ибо сам — повелитель ветров! / Созерцаем высокие звезды, / Небосвод зажигаем с утра. / На станицы, погосты, форпосты / Насылаем шальные ветра. / Но всегда вопрошаю при встрече: / «Город детства, да кто ты таков? / Как ты смеешь мне вечно перечить, / Мне, законной царице ветров?..» / Но и он себе ведает цену: / Хоть не будет трезвонить о ней. / Горделивый, строптивый, степенный / Повелитель ветров и степей. / Я б, наверно, не стала поэтом, / Пересмешница и егоза, / Если б мы не схлестнулись на этом / Многомного столетий назад.

Глубокая генетическая память поэтессы дает ей дальнорзоркость и право говорить современникам жесткие слова. При этом вовсе не по-женски Диана самоиронично называет себя «пересмешницей и егозой». Из таких лирических контрастов перед нами встает образ стоящей «на распаханном настезь просторе» поэтессы Дианы Кан, воительницы нашего противоречивого времени и одновременно дальнорзоркой провидицы будущего.

